

Оговорка Мартенса и право вооруженных конфликтов

Руперт Тайсхерст¹

С момента своего появления в преамбуле второй Гаагской конвенции 1899 г. о законах и обычаях сухопутной войны оговорка Мартенса стала частью права международных конфликтов:

«Впредь до того времени, когда представится возможность издать более полный свод законов войны, Высокие Договаривающиеся Стороны считают уместным засвидетельствовать, что в случаях, не предусмотренных принятыми ими постановлениями, население и воюющие остаются под охраною и действием начал международного права, поскольку они вытекают из установившихся между образованными народами обычаев, из законов человечности и требований общественного сознания».

Своим происхождением и названием эта оговорка обязана заявлению, сделанному в 1899 г. русским делегатом профессором Мартенсом с трибуны Гаагской конференции мира². Мартенс выступил с заявлением после того, как делегаты Конференции мира не смогли достичь согласия по вопросу о статусе гражданских лиц, взявшихся за оружие в борьбе против оккупантов. Крупные военные державы считали, что таких лиц следует рассматривать в качестве франтиреров, подлежащих смертной казни, в то время как малые государства утверждали, что с ними надо обращаться как с полноправными комбатантами³. Хотя первоначально оговорка была сформулирована для разрешения именно данного спорного вопроса, различные и в то же время похожие варианты этой оговорки в последующем воспроизводились в текстах более поздних договоров, регулирующих вооруженные конфликты⁴.

---

¹ Руперт Тайсхерст, бакалавр гуманитарных наук, магистр права, преподаватель в Школе права Кингз колледжа, Лондон.

² Подробнее о жизни и деятельности Мартенса см. В. Пустогаров. Федор Федорович Мартенс (1845–1909) — гуманист нового времени. — МЖКК, № 10, май—июнь 1996, с. 34–45.

³ См. Ф. Кальсховен. Ограничения методов и средств ведения войны. М., МККК, 1994, с. 16.

⁴ IV Гаагская конвенция о законах и обычаях сухопутной войны, преамбула; Конвенция о запрещении или ограничении применения конкретных видов обычного оружия 1980 г., преамбула. — Сборник Гаагских конвенций и иных соглашений. М., МККК, 1995; четыре Женевские конвенции 1949 г. о защите жертв войны и Дополнительные протоколы к ним 1977 г. (I ЖК, статья 63; II ЖК, статья 62; III ЖК статья 142; IV ЖК, статья 158; Протокол I, статья 1(2); Протокол II, преамбула). — Женевские конвенции от 12 августа 1949 г. и Дополнительные протоколы к ним. М., МККК, 1994.

Проблема, с которой сталкиваются специалисты в области гуманитарного права, заключается в отсутствии общепринятого толкования оговорки Мартенса. По этой причине ее можно понимать по-разному — как в узком, так и в широком смысле. Толкуемая в самом узком смысле оговорка служит напоминанием о том, что обычное международное право продолжает применяться после принятия какой-либо договорной нормы¹. Более широкое толкование оговорки Мартенса предполагает, что, поскольку международные соглашения по праву вооруженных конфликтов далеко не всегда оказываются исчерпывающими, отнюдь не является *ipso facto* разрешенным то, на что в договоре нет явного запрета². Из самой же широкой трактовки оговорки Мартенса вытекает, что действия, осуществляемые в ходе вооруженного конфликта, оцениваются не только с точки зрения договоров и обычаев, но также тех принципов международного права, на которые в оговорке делается ссылка.

Для вынесения Консультативного заключения о законности угрозы ядерным оружием или его применения, опубликованного 8 июля 1996 г., Международному суду пришлось глубоко проанализировать право вооруженных конфликтов³. И хотя анализ проводился только в связи с проблемой ядерного оружия, для вынесения заключения по данному вопросу потребовалось рассмотреть всю совокупность норм права вооруженных конфликтов. Неудивительно, что и письменные, и устные представления Международному суду, и само Заключение не обошлись без многочисленных ссылок на оговорку Мартенса, выявивших целый ряд ее возможных толкований. В самом Заключении не дается четкого толкования оговорки Мартенса. В то же время в представлениях, сделанных государствами, и в некоторых Несовпадающих особых мнениях предлагается весьма интересное понимание ее сути.

В докладе, сделанном Российской Федерацией, говорится, что в 1949 и 1977 гг. был сформулирован полный кодекс норм права вооруженных конфликтов и поэтому в оговорке Мартенса теперь нет особой необходимости⁴. Но оговорка Мартенса была вновь подтверждена как в Женевских конвенциях 1949 г., так и в двух Дополнительных протоколах к ним 1977 г.⁵ Более того, Дипломатическая конференция 1977 г., которая завершилась разработкой Дополнительного протокола I, подчеркнула непреходящее значение оговорки Мартенса, переместив ее из преамбулы, где по проекту 1973 г. она первоначально находилась, в основную часть Протокола. Поэтому нет сомнения,

---

¹ C. Greenwood. Historical Development and Legal Basis. — Dieter Fleck (ed.) The Handbook of Humanitarian Law in Armed Conflicts. Oxford University Press, Oxford — New York, 1995, p. 28 (para. 129).

² Y. Sandoz, C. Swinarski, B. Zimmermann (eds.). Commentary on the Additional Protocols of 8 June 1977 to the Geneva Conventions of 12 August 1949. ICTC/Martinus Nijhoff, Geneva, 1987, p. 39 (para. 55); N. Singh, E. McWhinney. Nuclear Weapons and Contemporary International Law. 2nd ed., Martinus Nijhoff, Dordrecht, 1989, pp. 46–47.

³ Консультативное заключение Международного суда о законности угрозы ядерным оружием и его применения от 8 июля 1996 г. (далее Заключение). — См. R. Ticehurst. The Advisory Opinion of the International Court of Justice on the Legality of the Threat or Use of Nuclear Weapons. — War Studies Journal, Autumn 2(1), 1996, pp. 107–118.

⁴ Russian Federation, Written Submission on the Opinion Requested by the General Assembly, p. 13.

⁵ См. сноску 4 на с. 7.

что оговорка Мартенса остается по-прежнему актуальной. Подтверждает это и Науру: «...оговорка Мартенса не была историческим заблуждением. Многочисленные современные конвенции по праву войны обеспечили ее непреходящее значение»¹.

Великобритания утверждает, что из оговорки Мартенса становится ясно: отсутствие специального соглашения о запрещении применения ядерного оружия не означает, что такое оружие может быть использовано на законных основаниях. Однако, исходя из самой оговорки Мартенса, нельзя вынести определение о незаконности этого вида оружия, и чтобы поставить его под запрет, необходимо указать норму обычного международного права. Соединенное Королевство далее отмечает «аксиоматичность того утверждения, что при отсутствии запретительной нормы, применимой к какому-то конкретному государству, действия такого государства должны считаться разрешенными»². Очевидно, что Соединенное Королевство исходит из узкого толкования оговорки Мартенса, рассматривая ее только как напоминание о существовании в международном праве позитивных норм обычного права, которые не включаются в отдельно взятые договоры.

В своем Заключении Международный суд лишь сослался на оговорку Мартенса, заявив, что «она оказалась эффективным способом учета быстрого развития военной техники»³. Это ни в коей мере не облегчило задачу ее практического толкования. Некоторые судьи были более откровенны в своих Несовпадающих особых мнениях. Так, судья Корума подверг сомнению саму идею поиска конкретных запретительных норм на применение какого-либо оружия, заявляя, что «тщетные поиски прямого правового запрещения можно объяснить лишь крайней формой позитивизма»⁴.

В своем Несовпадающем особом мнении судья Шахабуддин тщательным образом анализирует оговорку Мартенса. Сначала он обращается к пунктам 78 и 84 Консультативного заключения Международного суда, в которых Суд определил, что оговорка (декларация) Мартенса представляет собой норму обычного права и потому имеет нормативный характер. Другими словами, в самой оговорке содержатся нормы, регулирующие поведение государств. Со ссылкой на представления таких государств, как Соединенное Королевство, о котором говорилось выше, судья Шахабуддин заявил, что «трудно сказать, какую норму поведения государств она содержит, если всего лишь напоминает государствам о нормах поведения, существующих полностью *вне* декларации»⁵. Очевидно, что судья Шахабуддин придерживается мнения, что оговорка Мартенса — это не просто напоминание о существовании других норм международного права, не включенных в отдельные договоры, но и сама оговорка обладает нормативной силой и потому действует вне зависимости от других норм.

¹ Nauru, Written Submission on the Opinion Requested by the World Health Organization, p. 46.

² United Kingdom, Written Submission on the Opinion Requested by the General Assembly, p. 21.

³ Заключение, пункт 78.

⁴ Несовпадающее особое мнение судьи Корума, с. 335.

⁵ Несовпадающее особое мнение судьи Шахабуддина, с. 175.

В подтверждение своей точки зрения судья Шахабуддин ссылается на Гагскую конференцию мира 1899 г., где делегат от Бельгии возражал против включения в окончательный вариант Конвенции некоторых положений ее проекта. Однако после того, как Конференция приняла декларацию Мартенса, делегат счел возможным проголосовать за те положения, вокруг которых велись споры. Судья Шахабуддин делает вывод, что подобное изменение позиции делегата произошло благодаря тому, что он принял точку зрения и других делегатов, а именно, что оговорка Мартенса обеспечивала ту меру защиты, которую не способны были обеспечить спорные положения проекта, и что, следовательно, оговорка обладает нормативной силой.

Судья Шахабуддин отмечает, что принципы международного права, на которые Мартенс ссылается в оговорке, берут свое начало в одном, двух или трех источниках — это обычаи, установившиеся в отношениях между цивилизованными народами (или «установившиеся обычаи», как сказано в статье 1[2] Дополнительного протокола I), законы гуманности («принципы гуманности» в статье 1[2]) и «требования общественного сознания» (в той же статье 1[2]). Из этого следует, что при определении всей сферы применения права вооруженных конфликтов оговорка Мартенса позволяет выйти за рамки договорного права и обычаев, обратившись к принципам гуманности и требованиям общественного сознания.

Такой же точки зрения придерживается и Комиссия международного права, заявившая, что оговорка Мартенса «предусматривает, что даже в случаях, не охватываемых конкретными международными соглашениями, на гражданское население и военнослужащих по-прежнему распространяется защита и действие принципов международного права, вытекающих из установившегося обычая, принципов гуманности и норм общественной морали»¹.

Оговорка Мартенса имеет важное значение, поскольку, благодаря содержащейся в ней ссылке на обычное право, подчеркивает важную роль норм обычного права в сфере регулирования вооруженных конфликтов. Кроме того, оговорка ссылается на «принципы гуманности» и «требования общественного сознания». Необходимо отчетливо понимать значение этих терминов. Понятие «принципы гуманности» является синонимом понятия «законы гуманности» — в более раннем варианте оговорки Мартенса (вошедшей в преамбулу второй Гагской конвенции 1899 г.) используется термин «законы гуманности», в то время как в более позднем варианте (в Дополнительном протоколе I) упоминаются «принципы гуманности». Принципы гуманности понимаются как принципы, запрещающие средства и методы ведения войны, не являющиеся необходимыми для достижения очевидного военного преимущества². По определению Жана Пикте, гуманность предполагает, что «захват врага в плен предпочтительнее ранения, а ранение лучше убийства; мирное население нужно по возможности щадить; нанесенные раны должны быть как можно более легкими, чтобы

¹ Доклад Комиссии международного права ООН. Деятельность 46-й сессии, 2 мая — 22 июля, 1994 г. GAOR A/49/10, с. 242.

² E. Kwakwa. *The International Law of Armed Conflict: Personal and Material Fields of Application*. Kluwer Academic, Dordrecht, 1992, p. 36.

раненых можно было вылечить; ранения должны причинять как можно меньше страданий»¹.

Эта часть оговорки Мартенса не служит сколько-нибудь значительным дополнением к существующим нормам права вооруженных конфликтов, поскольку защита, предоставляемая принципами гуманности, по сути ничем не отличается от защиты, которую обеспечивает доктрина военной необходимости. В соответствии с требованиями этой доктрины военную силу допустимо использовать только в той степени, в какой это необходимо для достижения законных военных целей². Эта доктрина уже получила полное подтверждение в таких договорах, как Гаагское положение 1907 г., однозначно признанное Международным военным трибуналом в Нюрнберге в 1946 г. как документ, разъясняющий нормы обычного права.

Что касается «требований общественного сознания», то в докладе Науру Международному суду утверждается, что оговорка Мартенса позволяет суду, пытающемуся определить сферу применения гуманитарных норм права вооруженных конфликтов, обратиться к юридическим документам, отражающим требования общественного сознания. В докладе говорится о «множестве проектов правовых норм, заявлений, резолюций и других документов, которые подготовлены учреждениями или частными лицами, обладающими высокой квалификацией, необходимой, чтобы дать правовую оценку законам войны, однако не связанными с правительственными кругами». В качестве примера приводится Гаагское заявление «О незаконности ядерного оружия», с которым в 1989 г. выступила Международная ассоциация юристов против ядерного оружия (IALANA). В этом заявлении выражалось единодушное мнение юристов как с Запада, так и с Востока, «подтверждающих, что применение или угроза применения ядерного оружия является военным преступлением и преступлением против человечности, также как и нарушением других норм международного обычного и договорного права...»³.

Судья Шахабуддин считает, что Суд должен ограничиться авторитетными источниками. В частности, он ссылается на резолюции Генеральной Ассамблеи ООН. Имеется целый ряд резолюций ГА ООН, осуждающих применение ядерного оружия. Например, в своей резолюции 38/75 от 15 декабря 1983 г. Генеральная Ассамблея заявила, что «решительно, безоговорочно и навсегда осуждает ядерную войну как противоречащую человеческой совести и разуму...». Ни эта, ни другие резолюции не были приняты единогласно и потому вряд ли отражают существование нормы обычного права *de lege lata*. И в то же время такие резолюции свидетельствуют о проявлении общественного сознания⁴.

¹ Жан Пикте. Развитие и принципы международного гуманитарного права. М., МККК, 1994, с. 81.

² См. E. Kwakwa, *op. cit.* (сноска 2, с. 10), pp. 34–38.

³ Nauru, Written Submission on the Advisory Opinion Requested by the World Health Organization, p. 68.

⁴ См. также Sean McBride. The Legality of Weapons of Social Destruction. — C. Swinarski (ed.). Studies and Essays on International Humanitarian Law and Red Cross Principles in Honour of Jean Pictet. Martinus Nijhoff, Dordrecht, 1984, p. 406: «Во многих резолюциях, принятых Генеральной Ассамблеей ООН, прямо или косвенно осуждается применение, хранение, размещение, распространение и производство

Судья Шахабуддин заключает: можно говорить о том, что общественное сознание, представленное, к примеру, в резолюциях Генеральной Ассамблеи ООН, рассматривает применение ядерного оружия как неприемлемое при любых обстоятельствах.

Такая же позиция была высказана в письменных представлениях государств. Например, по мнению Австралии, «вопрос состоит не в том, согласуется ли угроза ядерным оружием и его применение с каким-либо из этих документов, а в том, является ли угроза ядерным оружием и его применение *per se* несовместимой с общими принципами гуманности. Все эти документы... в совокупности свидетельствуют, что оружие, которое потенциально может иметь столь разрушительные последствия для окружающей среды, гражданских лиц и гражданских объектов, более не представляется совместимым с требованиями общественного сознания»¹. Япония также заявила, что «поскольку это оружие способно вызвать колоссальные разрушения, ущерб и гибель людей, совершенно очевидно, что его применение противоречит духу гуманности, лежащему в основе философии международного права»². Профессор Гринвуд, напротив, утверждает, что такое толкование «не имеет практической ценности, так как „требования общественного сознания“ — понятие слишком расплывчатое, чтобы использовать его в качестве основы для отдельных правовых норм, и оно не получило большой поддержки»³.

Различные точки зрения по вопросу о ядерном оружии, которые государства высказали в своих докладах Международному суду, а также Несовпадающие особые мнения судей являются отражением продолжающегося расхождения во мнениях в сфере международного права между сторонниками позитивного и естественного права. По утверждению государств, выступивших в пользу законности применения ядерного оружия, отсутствие запретительной позитивной нормы в международном праве — как договорном, так и обычном — делает применение ядерного оружия правомерным.

К концу XIX века в теории международного права стали преобладать понятия правового позитивизма и государственного суверенитета. Это привело к широкой кодификации законов войны — первой области международного права, которой предстояло подвергнуться кодификации. Определяющим моментом в сфере позитивного международного права является воля государств участвовать в договорном процессе, выраженная через согласие с положениями договора или в ходе практической деятельности государства, которая либо спо-

---

ядерного оружия. Несмотря на то, что такие резолюции формально не имеют обязательной юридической силы, они, несомненно, являются выражением «требований общественного сознания» людей XX века и попадают в сферу действия запретов, налагаемых оговоркой Мартенса».

¹ Australia, Oral Statement before the ICJ, p. 57.

² Japan, Oral Statement before the ICJ, p. 18. Это высказывание созвучно аргументам, которые приводились истцами по «делу Шимода» (см. Judicial Decisions, «Tokyo District Court, December 7, 1963», Japanese Annual of International Law, vol. 8, Tokyo, 1964, p. 216), утверждавшим, что в случае, если нормы позитивного международного права не содержат запрета на применение ядерного оружия, такое оружие тем не менее является противозаконным на основании «естественного или логического международного права», вытекающего из духа этих норм.

³ См. примечание 4, p. 28 (para. 129).

собствует, либо препятствует разработке нормы обычного права¹. При позитивистском толковании международного права те государства, которые не соглашаются связать себя договорными нормами или выработкой норм обычного права, остаются за пределами сферы, регулируемой этими нормами, — ведь подчинение нормам позитивного права зависит от воли самого государства. Следовательно, здесь мы имеем дело с консенсуальным правом. Если таковая воля отсутствует, государство не считается связанным этой нормой и потому не несет ответственности перед международным сообществом за ее неисполнение. По словам профессора Браунли, государства могут не участвовать в разработке нормы обычного права: «Государство может не принимать участия в разработке нормы обычного права в процессе ее формирования. Такое неучастие должно быть очевидным, кроме того, возможно, потребуется опровергнуть „презумпцию согласия“. Каким бы ни было теоретическое обоснование этого принципа, он вполне признается международными трибуналами и в практике государств»².

Помимо того, что государства могут не принимать участия в разработке какого-либо положения обычного права, противодействие государств, чьи интересы в наибольшей степени страдают от разработки этой нормы, может помешать тому, чтобы норма *de lege ferenda* превратилась в норму *de lege lata*. Из этого следует, что практика ядерных государств чрезвычайно важна при установлении нормы обычного права, направленной на регулирование или запрещение применения ядерного оружия. В своем представлении Международному суду по вопросу о законности ядерного оружия Соединенные Штаты утверждали, что «в отношении применения ядерного оружия нельзя создавать обычаи без учета возражений со стороны ядерных государств, интересы которых затронуты в наибольшей мере». Таким образом, позитивное право зависит не только от воли государств, оно может зависеть также от воли тех государств, интересы которых — в связи с разработкой данной нормы — затронуты в наибольшей степени. В контексте права вооруженных конфликтов это означает, что государства, обладающие оружием, от которого хотел бы избавиться весь остальной мир, способны воспрепятствовать созданию правовой нормы, запрещающей такое оружие. Это также означает, что самые сильные военные державы оказывают наибольшее влияние на установление норм права вооруженных конфликтов.

В отличие от позитивного права естественное право является универсальным и обязательным к исполнению всеми лицами и государствами. Следовательно, это право не консенсуально и основано на понятии преимущественной силы справедливости. Естественное право уступило многие из своих позиций из-за широкого распространения позитивистского толкования международного права. Как писал Шахтер, «специалистам по международному праву, как впрочем и другим, стало ясно, что государства, которые разрабатывали и при-

¹ По мнению Р. Аго (*R. Ago. Positive Law and International Law. — American Journal of International Law, vol. 51, 1957, p. 693*), «позитивное международное право представляет собой ту часть права, которая формируется при молчаливом или явно выраженном согласии различных государств».

² См. *I. Brownlie. Principles of Public International Law. 4th ed., Clarendon Press, Oxford, 1990, p. 10.*

меняли нормы права, руководствовались не принципами морали и действовали не в силу „естественных причин“, а исходили из собственных интересов и стремления утвердить свою силу на международной арене. Получалось, что нормы права могут быть определены и установлены только с помощью тех методов, которые используются государствами для осуществления своей „политической воли“»¹.

В то же время Нюрнбергский трибунал, при определении виновности нацистского верховного командования в значительной степени опиравшийся именно на нормы естественного права, своим приговором подтвердил непреходящее значение естественного права как составляющего основу международного права в XX веке.

Государства, отстаивавшие ту точку зрения, что применение ядерного оружия незаконно, подчеркивали важное значение естественного права, настаивая, чтобы Международный суд вышел за рамки позитивных норм международного права. Оговорка Мартенса служит поддержкой такой позиции, поскольку в ней указывается, что право вооруженных конфликтов представляет собой не просто кодекс правовых норм, но и совокупность норм нравственных. Тем самым гарантируется, что мнение малых государств и отдельных членов международного сообщества сможет оказывать влияние на процесс разработки права вооруженных конфликтов. Такой свод норм международного права не должен отражать точку зрения только тех государств, которые обладают большой военной силой. Чрезвычайно важно, чтобы при разработке права вооруженных конфликтов учитывались мнения всех членов мирового сообщества.

В дополнение к этому скажем, что система международного права отличается от национальных правовых систем тем, что у нее нет централизованного органа, занимающегося законотворчеством. Международное право децентрализовано, поскольку его развитие опирается на широкое согласие государств, достигаемое при ратификации договоров или при разработке международных обычных правил. В результате этого не исключен значительный временной разрыв между формированием нравственных установок и разработкой норм позитивного права, в которых такие установки находят отражение. Точно так же развитие нормативных стандартов, помогающих контролировать или запрещать применение оружия, созданного в результате новых военных разработок, способно отставать от развития военной технологии. По этой причине позитивное право может оказаться для людей недостаточно действенной защитой от проявления крайностей во время вооруженного конфликта. Поэтому так важно признать, что в дополнение к кодексу позитивных правовых норм имеется и кодекс нравственных норм, составляющий неотъемлемую часть права вооруженных конфликтов.

---

¹ O. Schachter. *International Law in Theory and Practice*. Martinus Nijhoff, Dordrecht, 1991, p. 36.

Заключение

В основном в международном праве преобладает позитивное право, и обязательства перед международным сообществом регулируются поэтому сочетанием норм договорного и обычного права. Для права вооруженных конфликтов это имеет важные последствия. Отказываясь ратифицировать договор или дать согласие на разработку соответствующих норм обычного права, могущественные военные державы имеют возможность контролировать содержание права вооруженных конфликтов. Другие государства не в состоянии запретить отдельные технологии, которыми владеют сильные в военном отношении державы. Государства могут, принимая резолюции на Генеральной Ассамблее ООН, выразить в них свое неодобрение, однако при наличии голосов против и воздержавшихся такие резолюции не будут нормативными со строго позитивистской точки зрения.

Оговорка Мартенса выполняет роль связующего звена между позитивными нормами международного права, регулирующего вооруженные конфликты, и естественным правом. Одна из причин, которая привела к снижению значения естественного права, заключалась в его полной субъективности. Каждая из противостоящих сторон использовала неоднозначно толкуемые нормы естественного права для оправдания своей позиции. Оговорка же Мартенса устанавливает объективный критерий, помогающий определиться в рамках естественного права, и этот критерий — требования общественного сознания. Это делает право вооруженных конфликтов значительно богаче и разрешает всем государствам участвовать в разработке его норм. Могущественные военные державы оказывают постоянное противодействие влиянию естественного права на право вооруженных конфликтов, хотя те же самые державы опирались на него во время судебного разбирательства в Нюрнберге. В своем Консультативном заключении Международный суд не уточнил, в какой степени оговорка Мартенса позволяет принципам естественного права влиять на разработку права вооруженных конфликтов, поэтому неясность в отношении правильного толкования этой оговорки по-прежнему сохраняется. И все же Консультативное заключение способствовало важному обсуждению этой значительной статьи права вооруженных конфликтов, которой далеко не всегда уделяется должное внимание.